

УДК 82.091

**МОТИВ ОБМАННОГО СНИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
СТАТУСА КАК ТРАДИЦИОННЫЙ В РУССКОЙ
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ**

**А. А. Николова, кандидат филологических наук, доцент
Запорожский национальный университет, г. Запорожье, Украина**

**FALSE DESCENSION OF STATUS AS TRADITIONAL MOTIVE
IN RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN LITERATURE**

**A. A. Nikolova, candidate of philosophical sciences, associate professor
Zaporizhzhya National University, Zaporozhye, Ukraine**

Summary. We consider in this article different variants of false descension of status in Russian and Western literature. We also prove that this motive is a traditional. The article deals with the problem of the genesis of this motive too.

Keywords: motive; plot; tradition; literary type; transformation.

Несоответствие видимого и сущностного является не только распространённым явлением действительности: мотив подмены истинного ложным часто встречается в фольклоре и литературе различных народов. Внимательное рассмотрение данного феномена приводит к осознанию его традиционности и вариативности, необходимости изучения специфики функционирования каждой из конкретных разновидностей в различных национально-жанровых контекстах.

Так, например, особой популярностью среди ученых пользуется мотив самозванства, предполагающий в большинстве случаев обманное повышение социального статуса [5; 16; 8, с. 13 и др.].

Что касается работ, посвященных семантически противоположной предыдущей сюжетной ситуации, то условно их можно разделить на несколько тематических групп. Первая представлена исследованиями, посвященными древнему эпосу: сторонники ритуалистической мифокритики (Э. Миро, Г. Р. Леви и др.) воспринимают путешествие Одиссея («Одиссея» Гомера), его временное пребывание в царстве мертвых и возвращение до-

мой под видом нищего как отображение обряда инициации или календарного мифа. Такая концепция поясняет потребность обманного снижения статуса, которое символизирует умирание, необходимое для дальнейшего возрождения / обновления героя-победителя, восстановление его прав как правителя и мужа. «Лиминиальная стадия представлена пересечением границ... пребыванием в необычном, промежуточном состоянии. Отсутствие статуса маркируется слепотой, невидимостью, наготой, нелепыми одеяниями... грязью, молчанием, запретами... подобно неопитам, они – в лохмотьях или нагие, это демонстрирует отсутствие статуса, их поведение обычно пассивное или униженное» [3, с. 8].

В этом же аспекте рассматривается традиционный сказочный мотив «Свиной чехол» (АТ 510В) – история принцессы, вынужденной изображать нищенку. Еще П. Сентив [12] предложил интерпретировать данный образ как солнечное божество в фазе временной смерти, метафорическим выражением которой является унижение, грязные одежды. А Е. Мелетинский усмотрел в нём отголоски древних свадебных

обрядов, отметив также, что «временное добровольное пребывание героя в низком состоянии в сказках о «Свином чехле» и золотоволосом юноше вполне понятно с этической точки зрения: оно дает возможность выразить относительность, временной характер низкого состояния героя, подчеркнуть «высокую» сущность героя, показать контраст между «низкой» видимостью и «высокой» сущностью» [7, с. 248].

Благодаря А. Веселовскому в качестве традиционного утвердился сюжет о вынужденном нищенствовании правителя, престол которого захватил демон [2]. Его рассмотрению посвящены исследования Е. Никаноровой [9] и Е. Ромодановской [11].

Однако системное, целостное освещение различных форм, специфики функционирования мотива временного снижения социального статуса отсутствует, что и обуславливает актуальность данной статьи, цель которой – доказать его традиционность, выделить основные варианты трансформаций на материале русской и западноевропейской литературы.

Первая конкретная разновидность соответствующего мотива заимствуется литературой из фольклорных сказок, а именно из сюжетов типа «Бедняк обручается с девушкой» (АТ 885) и уже упоминавшегося «Свиного чехла» («Ослиной шкуры» АТ 510В). В первом случае гордую принцессу (царевну) выдают замуж за «первого встречного» нищего, который впоследствии оказывается переодетым королем. Данная фабула используется, например, Л. Аламанни («Бьянка, дочь Тулузского графа»), Г. Х. Андерсеном («Свинопас»); ее комический вариант представлен в «Мандрагоре» Н. Макиавелли. Второй из вышеупомянутых сюжетов встречается в средневековых романах («Прекрасная Елена Константинопольская», «Персефоре»), новеллах («Дочь короля Британии» Ф. М. Мольца, «Приятные ночи»

Дж. Страпароли да Караваджо, «Ночные забавы» Б. Деперье /СХХIX/), литературных сказках («Ослиная шкура» Ш. Перро, «Пентамерон» Дж. Базиле /11,6/), драматургии («Не всегда верь в худшее» П. Кальдерона) и т. д.

Еще один традиционный мотив, основанный на обманном снижении социального статуса персонажа, – путешествие переодетого правителя. Диапазон мотиваций такой травестии довольно широк: от необходимости скрывать собственное лицо ради безопасности – до желания узнать истинное отношение подданных к «правлящему режиму».

Данный мотив распространен в фольклоре различных народов. «Общая канва этой истории встречается во все времена и у всех народов, соревнующихся друг с другом в описании странствий переодетого монарха, который, спускаясь из любопытства или ради развлечений в низшие слои общества, встречается с приключениями, занятными для читателя или слушателя благодаря противоположности между подлинным положением короля и его наружностью» [13, с. 3]. В. Скотт указывает, что наиболее типичен этот мотив для балладного жанра. «Тот эпизод романа, который имел успех у многих читателей, заимствован из сокровищницы старинных баллад. Я имею в виду встречу короля с монахом Туком в келье этого веселого отшельника. ...В веселой Англии народным балладам на эту тему нет числа. Стихотворение «Староста Джон», упомянутое епископом Перси в книге «Памятники старой английской поэзии», кажется, посвящено подобному случаю; кроме того, имеются «Король и Бамвортский дубильщик», «Король и Мэнсфилдский мельник» и другие произведения на эту тему» [13, с. 4].

Из фольклора данный мотив попадает в литературу: он встречается в сказках («восточная сказка» И. Крылова «Каиб», фьябы К. Гоцци «Король-олень» и «Счастливые нищие»,

«Приключения Саида» В. Гауфа), новеллах (в «Декамероне» Дж. Боккаччо рассказывается история султана Саладина, который путешествует под видом купца), драматургии («Мера за меру» В. Шекспира), романах («Айвенго» В. Скотта, «Девяносто третий год» В. Гюго).

Существенно отличен от вышерассмотренного сюжет о путешествующем правителе, представленный в талмудических сказаниях, мусульманских и славянских легендах о царе Соломоне, вынужденном нищенствовать, пока его место занято демоном [2, с. 133]. В западноевропейской литературе распространенным вариантом является история о могущественном Иовиане, наказанном Богом за тщеславие. «Тогда мнимый император говорит: «Любезные друзья, слушайте! Некогда император Иовиан совершил богохульную дерзость, за которую Бог его покарал тем, что люди не узнавали его в лицо до дня его раскаяния; я же, ангел-хранитель его души, блюл царство его до часа, пока император не покаялся и не получил отпущение; теперь повинуйтесь ему, и да будет с вами Бог» [15, с. 53]. В данном случае «самозванцем» является не демон, а ангел (цель произведения – проповедь смиренности). В русской литературе был популярен переводной вариант соответствующей новеллы из «Римских деяний» – «Повесть о царе Агтее». «Агтей усомнился в справедливости слов Писания... впал в греховное раздумие. За гордыню Бог наказал его лишением власти и трона, нищетой и наготой, а после раскаянья опять сделал царем» [4, с. 141].

Еще один традиционный мотив из соответствующей семантической парадигмы – возвращение домой состоятельного героя в образе нищего. «Мотив этот известен европейской словесности с глубокой древности – от Гомера, у которого возвратившийся на Итаку Одиссей разгоняет женихов Пенелопы, до легенд о Карле Великом, от средневеко-

вых баллад о короле Горне до новеллы о Торелло в «Декамероне» (девятая новелла десятого дня), от южнославянских песен о Марке Кралевиче до сказочной былины «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши» [10].

Такой обман может быть связан с необходимостью испытания супруги героя (мотив «муж на свадьбе своей жены» [6, с. 81], сюжет «Верная жена» АТ 888), его родственников («Школа злословия» Р. Б. Шеридана, «Векфильдский священник» Ол. Гольдсмита), а также – связан с идеалами христианского аскетизма (средневековое «Житие Алексия, человека Божьего»). В последнем случае речь идет, конечно же, не об «игре с переодеваниями», а о сознательной жертве Богу, которому милее бедность, а не богатство.

По мнению Е. Мелетинского, такой образ сформировался под влиянием народно-сказочной традиции: «легендарный фольклор, в центре которого – образ скрывающегося святого, возник на почве не официальной церкви, а демократической оппозиции официальной церкви, демократических уравнилельных идей, сохранивших религиозную оболочку. Частичное признание легенд о святом позднейшей церковью (христианской и буддистской) не меняет сути дела. В них проникли те идеи, которые лежат в основе сказки, но только в религиозной оболочке. Сущность таких легенд в идеализации обездоленного» [7, с. 252].

Герой агиографической литературы, шествуя путем Христа, отрекается от денег и власти, делая всё возможное, чтоб избежать демонстрации внешних признаков собственной статусности. «В христианских легендах также отразилось представление о скрывающемся под невзрачной внешностью святом, об отказе от тщеславия и богатства как пути к праведности и святости» [7, с. 250]. «В дальнейшем, когда христианство стало официальной религией

и развилось монашество, легенды, возникавшие обычно в демократической среде, в рамках религиозной идеологии, стали тяготеть к изображению святых праведников в виде чудаков-монахов, невзрачных, всеми презираемых... Схема монашеских легенд, проникнутых демократическими тенденциями, такова: святой монах (или святая монахиня) скрывается в грязной одежде, выступает в «дурацком» виде. По какому-то знаку его узнает благочестивый человек, но монах скоро исчезает или умирает» [7, с. 251].

Довольно распространенным в народном творчестве и литературе является также мотив «парной подмены» (хозяин и его слуга меняются местами). В фольклоре данная «рокировка» чаще всего связана с коварными планами псевдогероя (героини), желающих заполучить награду, положенную их господину (госпоже). В литературе же мотивация такой травестии может быть самой разнообразной: необходимость бегства из заключения («Пленники» Плавта, «Айвенго» В. Скотта), испытание потенциальной невесты или любовная интрига («Смешные жеманницы» Ж.-Б. Мольера, «Игра любви и случая» П. К. де Ш. де Мариво, «Где обида, там нет ревности» Ф. де Рохаса, «Жодле, или Господин-слуга» П. Скаррона), желание острых ощущений, приключений («Человек, который смеется» В. Гюго, «Барышня-крестьянка» А. Пушкина, «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» Ш. Сореля). «Когда вельможи желают потешить себя соучастием в комедийном действе, то выбирают себе обычно роли простолюдинов. Их прельщает испытать, хотя бы в воображении, как живет людям низкого звания, столь отличного от их собственного» [14, с. 294].

Отдельно следует обратить внимание на мотив «герой жертвует собственным статусом ради любви» (знатный и богатый персонаж изображает бед-

няка, нанимается в услужение, чтобы быть ближе к предмету своей страсти): «Хмурый» Менандра, византийский роман о Каллимахе и Хрисоррое (XIV ст.), «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, «Подменные» Л. Ариосто, «Цыганочка», «Ревнивый эстремадурец» М. де Сервантеса, «Под знаком ненависти и любви» П. Кальдерона, одноименные произведения («Раба своего возлюбленного») М. де Сайяс-и-Сотомайор и Лопе де Вега, «Учитель танцев», «Ночь в Толедо» Лопе де Вега. «Лопе особенно охотно обыгрывает мотив перемены облика: его герои и героини оборачиваются рабами, слугами, цыганами, шутами, безумцами, меняют пол» [1, с. 9]; «для Лопе переодевания, предполагающие нисхождение в другой социальный статус, можно считать чуть ли не правилом» [1, с. 17].

Также традиционными в литературе являются мотивы обманного снижения статуса ради мести («Девушка с кувшином» Лопе де Вега, «Севильская куница» А. де Кастильо-и-Солороано, «Дубровский» А. Пушкина) или ради безопасности, спасения жизни («Сатирикон» Петрония, «Девяносто третий год» В. Гюго, «Ткачи из Сеговии» Х. Р. де Аларкона Фернандо, «Стыдливый во дворце» Т. де Молина).

Популярность различных мотивов соответствующей группы в фольклоре и литературе может быть обусловлена различными факторами, однако возможность выделения общих тенденций их функционирования доказывает существование определенных традиций, без осознания и изучения которых невозможно формирование целостного представления о природе феномена притворства в литературном и социокультурном дискурсе.

Библиографический список

1. Андреев М. Л. Испанский вариант: комедия Лопе де Вега, Тирсо де Молина и Кальдерона. – М. : Изд-во РГГУ, 2006.

2. Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. – СПб. : Тип. В. Демакова, 1872.
3. Campbell J. The hero with a thousand faces. – New York : Bollingen Foundation Inc., 1949.
4. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньирко Н. В. Смех в Древней Руси. – Л. : Наука, 1984.
5. Макаренко Е. К. Жанровый аспект сюжета самозванства в русской драматургии и историографии конца XVIII – первой трети XIX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Том. гос. ун-т. – Томск, 2002.
6. Мелетинский Е. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М. : Наука, 1986.
7. Мелетинский Е. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. – М. : Изд-во восточной лит-ры, 1958.
8. Мелетинский Е. Историческая поэтика новеллы. – М. : Наука, 1990.
9. Никанорова Е. К. Мотив неузнанного императора в историко-беллетристических произведениях к. XVIII – н. XIX века // Роль традиции в литературной жизни эпохи: сюжеты и мотивы. – Новосибирск, 1995. – С. 39–52.
10. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. URL: <http://lib.rus.ec/b/262358/read> (дата обращения: 2.04.2014).
11. Ромодановская Е. Сюжетный комплекс «переодевание» и мотив потери одежды в повести о гордом царе // Критика и семиотика. – 2010. – Вып. 14. – С. 29–35.
12. Saintyves P. Les contes de Perrault et les récits parallèles. Leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires). – Paris : E. Nourty, 1923.
13. Скотт В. Айвенго / пер. с англ. Е. Бекетовой. – Харьков : Фолио, 2012.
14. Сорель Ш. Правдивое комическое жизнеписание Франсиона / пер. с фр. Г. Ярхо. – М. : Правда, 1990.
15. Средневековые латинские новеллы XIII в. Сборник текстов. – Л. : Наука, 1980.
16. Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1994. – С. 75–109.
2. Veselovskiy A. N. Slavyanskije skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadnyie legendy o Morolfe i Merline. – SPb. : Tip. V. Demakova, 1872.
3. Campbell J. The hero with a thousand faces. – New York : Bollingen Foundation Inc., 1949.
4. Lihachev D. S., Panchenko A. M., Ponyirko N. V. Smeh v Drevney Rusi. – L. : Nauka, 1984.
5. Makarenko E. K. Zhanrovyy aspekt syuzheta samozvanstva v russkoy dramaturgii i istoriografii kontsa XVIII – pervoy treti XIX vv. : avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk : 10.01.01 / Tom. gos. un-t. – Tomsk, 2002.
6. Meletinskiy E. Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana. – M. : Nauka, 1986.
7. Meletinskiy E. Geroy volshebnoy skazki. Proishozhdenie obraza. – M. : Izd-vo vostochnoy lit-ryi, 1958.
8. Meletinskiy E. Istoricheskaya poetika novellyi. – M. : Nauka, 1990.
9. Nikanorova E. K. Motiv neuznannogo imperatora v istoriko-belletristicheskikh proizvedeniyah k. HVIII – n. HIX veka // Rol traditsii v literaturnoy zhizni epohi: syuzhety i motivyi. – Novosibirsk, 1995. – P. 39–52.
10. Panchenko A. M. Russkaya kultura v kanun petrovskih reform. URL: <http://lib.rus.ec/b/262358/read> (data obrascheniya: 2.04.2014).
11. Romodanovskaya E. Syuzhetnyiy kompleks «pereodevanie» i motiv poteri odezhdyi v povesti o gordom tsare // Kritika i semiotika. – 2010. – Vyip. 14. – P. 29–35.
12. Saintyves P. Les contes de Perrault et les récits paralleles. Leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires). – Paris : E. Nourry, 1923.
13. Skott V. Ayvengo / per. s angl. E. Beketovoy. – Harkov : Folio, 2012.
14. Sorel Sh. Pravdivoe komicheskoe zhizneopisanie Fransiona / per. s fr. G. Yarho. – M. : Pravda, 1990.
15. Srednevekoviye latinskie novellyi HIII v. Sbornik tekstov. – Leningrad : Nauka, 1980.
16. Uspenskiy B. A. Tsar i samozvanets: samozvanchestvo v Rossii kak kulturno-istoricheskiy fenomen // Uspenskiy B. A. Izbrannyye trudy. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kulturny. – M., 1994. – P. 75–109.

Bibliography

1. Andreev M. L. Ispanskiy variant: komediya Lope de Vega, Tirso de Molina i Kalderona. – М. : Izd-vo RGGU, 2006.

© Николова А. А., 2014